УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ КАЗАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Том 149, кн. 4 Гуманитарные науки *2007*

УДК 348(09):28(=512.1)

ИНСТИТУТ ВАКУФА У ТАТАР-МУСУЛЬМАН В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

З.С. Миннуллин

Аннотация

В статье рассматривается эволюция института вакуфа у казанских татар в XIX – начале XX вв. Анализ разнообразных источников и специальной литературы раскрывает ошибочность некоторых существующих мнений о том, что институт вакуфа для казанских татар имел юридический статус, и доказывает, что из-за внутренней политики российских властей, стремившихся вытеснить из правового пространства нормы мусульманского права, неоднократные попытки восстановления института вакуфа у татар не увенчались успехом.

Исторически сложилось так, что проблема вакуфа у татар и в XIX в., и в начале XXI в. остается актуальной. Нам еще в 1998 г. приходилось выступать по этому вопросу и дать первую периодизацию функционирования вакуфов в регионе Среднего Поволжья и Приуралья (см. [1]). Уфимский исследователь Д.Д. Азаматов, в целом соглашаясь с предложенной нами периодизацией, подчеркивает особое положение Башкирии в этом отношении. Он делает попытку обосновать появление вакуфов на территории современной Башкирии «мягкостью» религиозной политики царизма в этом регионе. Однако нельзя забывать, что башкиры, как и татары, находились под российской юрисдикцией и не владели особыми правами, которые бы играли значительную роль в появлении института вакуфа. Впрочем, Д.Д. Азаматов, в отличие от некоторых исследователей, видимо, понимает шаткость своей позиции по данному вопросу, о чем красноречиво говорит тот факт, что он, заковычивая слово «европейский», предлагает еще один суперсовременный термин – «европейский» вакуф (читай – «евровакуф») (см. [2, с. 5]).

В последнее время по данной проблеме опубликован ряд работ, которые требуют критического анализа с привлечением новых источников. Так, если некоторые исследователи пишут о вакуфах у татар Среднего Поволжья и Приуралья как о стабильно существующей системе (см. [3–8]), то другие отмечают, что «вакуфов было незначительно» (см. [9, с. 186]). «По округу ОМДС из «нелигитимизированных» мусульманских норм можно назвать отсутствие положения о вакуфах, что обрекало некоторых «хозяев мечетей» на нищенское существование…», – отмечают третьи [10, с. 16].

Наличие полярных точек зрения относительно функционирования вакуфа у татар, по нашему мнению, объясняется в основном двумя причинами. Во-пер-

вых, некоторые авторы, видимо, следуют простой схеме: раз татары – мусульмане, то у них, как и у других мусульманских народов, должен был существовать институт вакуфа. При такой постановке проблемы, естественно, «забывались» особенности исторической судьбы татарского народа. Попытки доказать существование института вакуфа в дооктябрьский период призваны служить благородному делу возрождения института вакуфа в современном татарском обществе, так как проблема материального обеспечения мусульманских институтов в Российской Федерации стоит очень остро, т. е. налицо так называемый «социальный заказ». В настоящее время, в период становления правового государства актуальным является обращение к отдельным достижениям мусульманской правовой культуры, в частности к институту вакуфа. Некоторые историки права (например, Л.Р. Сюкияйнен) говорят о перспективности использования этого института мусульманско-правовой доктрины для поддержки образования и науки, благотворительности и т. д. (см. [11, с. 36]).

Во-вторых, отметим, что мусульманское право регламентирует три вида безвозмездного отчуждения имущества:

1) дарение, оформлявшееся дарственным актом (һибәнамә);

2) завещание, оформлявшееся завещательным актом (васыятьнамә);

3) вакуфное пожалование, оформлявшееся вакуфным актом (вакыфнамә).

Однако, как видно из современной литературы, сплошь и рядом происходит смешение этих понятий, т. е., говоря о вакуфах, существовавших у татар Среднего Поволжья и Приуралья в XIX – начале XX вв., ссылаются на дарственные, завещательные акты и другие делопроизводственные документы, составленные на основе российского законодательства российскими же канцелярскими служащими, нотариусами, которые, естественно, понятия не имели о мусульманских вакуфных актах. Вакуфные акты вообще отсутствовали в номенклатуре российских частноправовых актов. Указанное выше смешение понятий происходит не только из-за элементарного непонимания, но и из-за однотипности юридических операций по безвозмездному отчуждению имущества в различных правовых системах, тогда как мусульманское духовенство не смешивало эти понятия. Например, 26 сентября 1873 г. мулла 2-й Казанской мечети Салахутдин Исхаков отмечал, что «завещание и вакуф – родные братья» [12, с. 313], т. е. не одно и то же.

Сделаем краткий экскурс в историю, чтобы представить, хотя бы в общем виде, историческую судьбу вакуфа в регионе Среднего Поволжья и Приуралья. Специфические права татар-мусульман, вытекающие из их конфессиональной принадлежности, до конца XVIII в. не находили надлежащего отражения в корпусе законодательных актов Российской империи. В первую очередь это связано с тем, что политика царизма по отношению к исламу и к верхушке татарского общества была, как известно, далеко не однозначна в различные периоды. В огромной степени эту политику определяли форма и время вхождения в состав России народов, исповедовавших ислам. Как писал академик Л.В. Черепнин, «…конкретные условия присоединения к России разных народов в разное время были различны; в их оценке нельзя отходить от принципов историзма» [13]. В специальной литературе данное положение нередко предается забвению. Так, еще в 30-е годы прошлого столетия Н. Тюрякулов в рецензии на книгу

Л. Климовича «Ислам в царской России» справедливо отмечает: «Автор, увлекаясь своей конструкцией, упускает из виду, что «терпимое отношение» царизма к исламу установилось не сразу, не «с первой встречи», а складывалось постепенно: по мере роста капитализма в России и увеличения нужды в услугах ислама при движении российского империализма на восток» [14]. В упомянутой монографии Л. Климовича заслуживает внимания освещение проблемы материальной базы религиозных организаций народов, исповедовавших мусульманскую религию. Освещая эту проблему применительно к религиозным организациям, духовенству народов Средней Азии, Закавказья, Крыма, автор первым делом указывает на вакуфы, на вакуфное землевладение. В то же время, говоря о духовенстве, религиозных организациях татар, Л. Климович ни разу не упоминает о вакуфах (см. [15, с. 90–119]). Ряд исследователей признает факт существования в период Казанского ханства института вакуфного землевладения, несмотря на то, что науке пока не известны подлинные вакуфные акты этого периода (см. [16, с. 23–24; 17, с. 183;18, с. 99]). Какова дальнейшая судьба этого института?

Захватив в середине XVI в. Казанское ханство, царское правительство, исходя из своих державных интересов, острие своей карательной политики направило в первую очередь против своих потенциальных противников в крае – светских и духовных феодалов [19, с. 80]. Класс татарских феодалов потерял не только политическое, но и экономическое господство, основой которого в период феодализма являлось крупное землевладение[1]. Не лучшим было положение и другой группы основных субъектов вакуфного пожалования – духовенства. Относительно их судьбы Г.С. Губайдуллин в 20-е годы прошлого столетия выразился следующим образом: «Муллы спустились с командной высоты и сделались самым маловластным и бесправным элементом страны. Муллы и сейды потеряли все свои экономические преимущества. Они остались в таком положении вплоть до Екатерины Второй, поэтому они очень часто были элементами, оппозиционными царскому правительству» [21, с. 85]. Российское законодательство до последней четверти XVIII в. почти не учитывало специфических религиозно-правовых норм мусульман, на что обратил внимание еще в середине XVIII в. переводчик Уфимской провинциальной канцелярии К. Ураков. Он писал об этом в представлении императрице Елизавете Петровне в 1746 г. (см. [22]). Подобные мысли содержатся в наказе ясачных татар Свияжского уезда Казанской губернии в Уложенную комиссию 1767–1768 гг. (см. [23]).

Национально-колониальный гнет в крае прямым образом коснулся также мечетей, медресе, в пользу которых в основном совершались вакуфные пожалования. Так, лишь за годы деятельности Казанского епископа Луки Конашевича (1744–1755 гг.) в одном только Казанском уезде было разрушено 418 из 536 мечетей с имевшимися при них школами [24]. Широким слоям трудящихся масс, которые испытывали все тяготы двойного (и даже тройного) гнета, было не до вакуфа.

Таким образом, для периода с середины XVI в. до последней четверти XVIII в. не может быть и речи о каких-либо вакуфных пожалованиях, особенно

[1] О судьбе класса татарских феодалов после присоединения Среднего Поволжья к Российскому государству подробнее см. [20, с. 29–30].

земельных. Этот период характеризуется полным отсутствием в татарском обществе как социально-экономических, так и политико-правовых условий для более или менее стабильного функционирования этого института.

Положение постепенно меняется во второй половине XVIII в. (особенно в последней четверти), когда правительство, исходя как из внутриполитических, так и из внешнеполитических соображений, изменило свое отношение к исламу (к этому периоду относится разрешение строить мечети, образование Оренбургского магометанского духовного собрания, введение института указных мулл и т. п.) и к верхушке татарского общества (см. [25]). После этих мероприятий правительства мусульманское право-шариат признавалось действующим правом в некоторых областях жизни татарского общества (брачно-семейных, наследственных). Однако при легализации отдельных норм мусульманского права общая направленность оставалась, в принципе, унификаторской, т. е. предпочтение отдавалось Российскому законодательству.

На рубеже XIX – XX вв. окончательно сложилась татарская буржуазия. Лишь после этих перемен появилась теоретическая возможность для постепенного возрождения института вакуфного пожалования, связанного главным образом с недвижимым имуществом. Вакуфные акты, оформляющие передачу недвижимого имущества (земля, различные строения, доходы с них) в пользу мечетей, медресе, известны пока лишь с 80-х годов XIX в.

Однако вакуфы не получили официального признания. Лидеров мусульман-татар такое положение дел, естественно, не удовлетворяло. Поэтому уже с 60-х годов XIX в. делались попытки легализации вакуфов на основе российского законодательства. Особый интерес в этом плане представляет проект муфтия С. Тевкелева «О правах магометан по вероисповеданию» (1867 г.), который, впрочем, даже не удостоился обсуждения в Министерстве внутренних дел (подробнее описание этого документа см. [7, с. 65–70]). В 1891 г. в брошюре, выпущенной к столетию Оренбургского магометанского духовного собрания, отмечено, что для управления вакуфами «никакого порядка законом не установлено» [26, с. 35]. Как известно, регистрация, удостоверение вакуфных актов и управление вакуфным имуществом не входило в компетенцию Оренбургского магометанского духовного собрания. В 1893 г. Министерство внутренних дел запретило Оренбургскому магометанскому духовному собранию даже засвидетельствование актов об имуществе, в том числе духовных и дарственных записей [27]. Через год, т. е. в 1894 г., Министерство внутренних дел уже запретило Духовному собранию использовать в официальной переписке термин «вакуф» (см. [2, с. 19]). Интересна заметка, опубликованная в газете «Казанский телеграф» от 15 декабря 1902 г.: «Мусульмане Поволжья могут завидовать Крыму и Туркестанскому краю, где много вакуфов. При нужде продают, кушают… пока вакуф не развалится. В нашей стране (имеется в виду Среднее Поволжье. – *З.М.*) таких средств не имеется. Мы вакуфов не кушаем за их отсутствием» [28].

Естественно, как уже было сказано выше, татар не удовлетворяло такое положение дел. Поэтому предпринимались неоднократные попытки привлечения института вакуфа для обеспечения экономической самостоятельности мусульманских общин. Например, в 1888 г. три брата Нигматулла, Хабибулла и Рахматулла Сейдуковы, составив вакуфный акт по всем правилам шариата, пере-

дали в вакуфное пользование библиотеку в пользу д. Малчин Тюменского уезда [29]. Однако, уже в 1908 г. газеты писали о запущенном состоянии библиотеки [30]. Такое положение сложилось из-за того, что этот институт не имел законодательной базы и механизма управления.

Вопрос о вакуфах поднимался и на III Всероссийском мусульманском съезде (16–21 августа 1906 г.) [31, с. 8], и на страницах татарской периодической печати дооктябрьского периода. В 1912 г. юрист И. Ахтямов посвятил проблеме вакуфа специальную статью в газете «Йолдыз» («Звезда») и сделал вывод о том, что по существующему законодательству нельзя сделать вакуфное пожалование [32]. Другой юрист, известный деятель татарского национального движения С. Максуди 13 января 1914 г. в Восточном клубе прочитал лекцию на тему: «Организация духовных учреждений мусульман в России». Лекцию слушали около 500 человек, в том числе и муллы, и почти вся татарская элита Казани. В газете «Камско-Волжская речь» отмечается: «Особенно лектор заинтересовал слушателей вопросом о вакуфах. Оказывается, мусульмане района Оренбургского магометанского духовного собрания оставлять в чью-либо пользу под именем вакуфа не могут, об этом нет законов, а в Крыму, наоборот, этот вопрос узаконен» [33].

В том же 1914 г. 15–25 июня в Санкт-Петербурге состоялся Всероссийский мусульманский съезд, где основной проблемой обсуждения стала реформа Духовного Собрания, в том числе был выработан «Проект Положения об управлении духовными делами мусульман Российской империи» [34]. Десятая глава этого проекта целиком посвящена вакуфам, где подробно был расписан механизм управления ими. Однако, как известно, и эти решения остались на бумаге.

Различный правовой статус мусульманских народов, включенных в состав империи на разных этапах становления российской государственности, находил отражение и в судьбах института вакуфов. Так, например, в Крыму правительство стремилось к упорядочению вакуфов (см. [7]). Относительно функционирования института вакуфа в Средней Азии Т.С. Саидбаев отмечает, что «долгое время после присоединения края вакфные земли оставались в неприкосновенности. Только после 1886 г. царское правительство решилось нанести удар по экономическому могуществу религиозных организаций. Все законные вакфные земли были объявлены собственностью тех, кто их обрабатывал, а незаселенные освобождены от поземельного налога. «…» Число вакфов было значительно сокращено. Более того, учреждение новых вакфов допускалось в исключительных случаях и только с разрешения генерал-губернатора, допускалось также их изъятие в пользу государства и ограничение землевладения» [35, с. 124]. Следовательно, отношение властей к институту вакфа находится в русле стремлений «правящей элиты к культурной и административной унификации страны с целью создания «единой» России, явное смещение акцентов в законодательстве от «вероисповедных» к «национальным» мотивам и т. п.» [36, с. 81].

В результате вышесказанного возникает вполне закономерный вопрос: насколько правомерно называть всевозможные случаи завещания или пожертвования имущества, на которые указывают некоторые современные авторы, вакуфами? Классический вакуф учреждался мусульманами согласно канонам шариата и оформлялся составлением вакуфного акта на арабском или на другом

языке (как правило, с использованием арабской графики) с последующим подтверждением казиев, т. е. религиозных судей[1]. На территории округа Оренбургского магометанского духовного собрания не существовало специального ведомства, контролировавшего функционирование вакуфных учреждений, которое следило бы и за исправностью ведения этих документов. Также не существовало традиции периодического обновления документов, как это было в странах, где ислам был господствующей религиозной доктриной. Если бы вакуфы действительно стабильно функционировали на территории, подведомственной Оренбургскому магометанскому духовному собранию, то не было бы необходимости вновь и вновь обсуждать эту проблему на всероссийских форумах мусульманских деятелей.

Непризнание вакуфов на территории, находившейся в ведении Оренбургского магометанского духовного собрания, постепенное вытеснение вакуфов из российского правового поля в Средней Азии, Крыму и Закавказье заставило представителей мусульманских народов искать другие, законные способы удовлетворения социальных потребностей общества. Одним из таких институтов являлись благотворительные общества и общества взаимопомощи, которые стали возникать у татар в 70-е гг. XIX в. и получили более или менее широкое распространение после революции 1905–1907 гг.[2] Если даже теоретически принять те дарения и завещания, которые квалифицируются некоторыми современными исследователями как действительные вакуфы (что равносильно стремлению выдавать желаемое за действительное), то что же представляли они в количественном отношении? Так, Д.Д. Азаматов описывает в своей публикации 91 вакуф (см. [2]), Р.Р. Хайрутдинов и Р.Р. Салихов дают нам сведения об 11 вакуфах конца XIX – начала XX вв. (см. [5]). Если учесть, что еще к 1889 году на территории, находившейся в ведении Оренбургского магометанского духовного собрания, с населением 3.5 миллиона человек, насчитывалось 4254 мусульманских прихода (см. [26, с. 32]), то ничтожность так называемых вакуфов становится весьма очевидной.

Итак, говоря о вакуфах Среднего Поволжья и Приуралья, никак нельзя утверждать, как это делают некоторые исследователи, что до 1917 г. существовала «целостная система вакуфов у татар». Как известно, система – это множество закономерно связанных друг с другом элементов (предметов, явлений, взглядов, принципов, знаний и т. д.). Как мы видим, в отношении татарских вакуфов целостной системы не получилось.

На основе вышесказанного можно сделать вывод о том, что в XIX – начале XX вв. татары неоднократно предпринимали попытки восстановления института вакуфного пожалования, которые в целом не увенчались успехом.

Summary

Z.S. Minnullin. Waquf institution among Tatars-Muslims in historical retrospective.

The article examines the evolution of waquf institution among Kazan Tatars during 19th – early 20th century. Analysis of various sources and special research reveals the incorrectness

[1] Образец классического вакуфа XIII в. (см. [37]).

[2] О татарских благотворительных организациях подробнее см. [38].

of the opinion of the waquf institution as having juridical status for Kazan Tatars. It is proved that because of internal policy of Russian authorities, aimed at excluding norms of Islamic law from the Law system of Russian Empire, multiple attempts of Kazan Tatars to renew the practice of waquf institution were unsuccessful.

Литература

1. *Миннуллин З.С.* Проблемы вакфа: история и современность // Религия в современном обществе: история, проблемы, тенденции: Материалы междунар. науч.-практ. конф., 2–3 окт. 1997 г. – Казань: Заман, 1998. – С. 175–178.
2. *Азаматов Д.Д.* Из истории мусульманской благотворительности. Вакуфы на территории европейской части России и Сибири в конце XIX – начале XX века. – Уфа: Изд-во Башкир. ун-та, 2000.
3. *Салихов Р.Р., Хайрутдинов Р.Р.* Вакуф: через прошлое – к будущему // Время и деньги. – 1999. – 13 янв.
4. *Салихов Р.Р., Хайрутдинов Р.Р.* Вакуф // Дизайн и новая архитектура. – 2009. – № 9. – С. 30–32.
5. Вакуфная собственность. Мусульманские завещания / Сост. Р.Р. Хайрутдинов, Р.Р. Салихов. – Казань: Иман, 2002. – 61 с.
6. *Салихов Р.Р.* Татарская буржуазия России и трансформация традиционной мусульманской благотворительности во второй половине XIX – начале XX века // Ислам и благотворительность. Материалы Всерос. семинара «Ислам и благотворительность», Казань, январь 2005 г. – Казань, 2006. – С. 29–36.
7. *Загидуллин И.* Вакуфы в имперском правовом пространстве // Ислам и благотворительность. Материалы Всерос. семинара «Ислам и благотворительность», Казань, январь 2005 г. – Казань, 2006. – С. 44–102.
8. *Норихире Н.* Формирование мусульманского общества через царскую администрацию: махалля под юрисдикцией магометанского духовного собрания после 1905 года // Ислам и благотворительность. Материалы Всерос. семинара «Ислам и благотворительность», Казань, январь 2005 г. – Казань, 2006. – С. 101–128.
9. *Хабутдинов А.* Татарская махалля эпохи Оренбургского магометанского духовного собрания в структуре нации // Татарские мусульманские приходы в Российской империи. Материалы науч.-практ. конф., Казань, 27–28 окт. 2005 г. – Казань: Ин-т истории АН РТ, 2006. – С. 183–190.
10. *Гильмутдинов Д.Р.* Ислам и государство в Средневолжском регионе в 1870–1917 гг. (на материале Казанской губернии): Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Казань, 2005. – 25 с.
11. *Сюкияйнен Л.Р.* Шариат и мусульманско-правовая культура. – М.: Ин-т государства и права РАН, 1997. – 48 с.
12. Аграрный вопрос и крестьянское движение 50–70-х годов XIX в.: Тр. историко-археографического ин-та. Т. XVI. Материалы по истории народов СССР. Вып. 6. Материалы по истории Татарии второй половины XIX в. / Ред. В.П. Волгин. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – 512 с.
13. *Черепнин Л.В.* Некоторые вопросы истории докапиталистических формаций в России // Вопр. методологии исторического исследования. Теоретические проблемы истории феодализма: Сб. ст. – М., 1981. – С. 260.
14. *Тюрякулов Н.* Рецензия на книгу Климович Л. «Ислам в царской России. Очерки» // Историк-марксист. – 1936. – № 6. – С. 206–207.
15. *Климович Л.* Ислам в царской России. Очерки. – М.: Гаиз, 1936. – 406 с.

16. *Мухамедьяров Ш.Ф.* Земельные правоотношения в Казанском ханстве. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1958. – 27 с.
17. Татары Среднего Поволжья и Приуралья / Отв. ред. Н.И. Воробьев, Г.М. Хисамутдинов. – М., 1967. – 538 с.
18. *Димитриев В.Д.* О социально-экономическом строе и управлении в Казанской земле // Россия на путях централизации: Сб. ст. – М.: Наука, 1982. – С. 98–106.
19. *Усманов М.А.* Жалованные акты Джучиева улуса XIV – XVI вв. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1979. – 318 с.
20. *Усманов М.А.* Татарские исторические источники XVII – XVII вв. – Казань: Изд-во Казан. ун-та,, 1972. – 223 с.
21. *Губайдуллин Г.С.* Из прошлого татар // Материалы по изучению Татарстана: Сб. ст. – Казань, 1925. – Вып. 11. – С. 71–111.
22. Материалы по истории Башкирской АССР. Т. 3. – М., 1949. – С. 559–560.
23. Сборник Русского исторического общества. Т. 115. – СПб., 1903. – С. 402.
24. Полное собр. законов Российской империи. Собр. 1, Т. 14. – СПб., 1830. – № 10597.
25. *Григорьев А.Н.* Христианизация нерусских народностей, как один из методов национально-колониальной политики царизма в Татарии (с половины XVI в. до февраля 1917 г.) // Материалы по истории Татарии. Вып. I. – Казань, 1948. – С. 245–252.
26. В память столетия Оренбургского магометанского духовного собрания, учрежденного в городе Уфе. – Уфа, 1891. – 54 с.
27. Сборник циркуляров и иных руководящих распоряжений по округу Оренбургского магометанского духовного собрания. 1836–1903 гг. – Уфа, 1905. – С. 100.
28. Мусульманский мир // Казанский телеграф. – 1902. – 15 дек.
29. ОРРК НБ КГУ, № 332 Т, лл. 1–10.
30. *Абдулов М.* Идарәгә мәктүбләр // Вакыт. – 1908. – 10 гыйнвар.
31. Постановления III Всероссийского мусульманского съезда в Нижнем Новгороде. – Казань, 1906.
32. *Әхтәмев И.* Вакыфлар хакында И.Әхтәмев // Йолдыз. – 1912. – 8 гыйнвар.
33. Лекция С.Н. Максудова // Камско-Волжская речь. – 1914. – 16 янв.
34. Проект Положения об управлении духовными делами мусульман Российской империи. На правах рукописи. – СПб., 1914. – С. 22.
35. *Саидбаев Т.С.* Ислам и общество. Опыт историко-социологического исследования. – М.: Наука, 1984. – 302 с.
36. *Усманова Д.М.* Мусульманские представители в Российском парламенте. 1906–1916. – Казань: Фэн, 2005. – 584 с.
37. Бухарский вакф XIII в. Факсимиле / Изд. текста, пер. с араб. и перс., введ. и коммент. А.К. Арендса и др. – М.: Наука, 1979. – 134 с.
38. *Миннуллин З.С.* Татарские благотворительные общества во второй половине XIX – начале XX вв. // Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования. – СПб., 2003. – С. 215–229.

Поступила в редакцию
27.09.07

Миннуллин Завдат Салимович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культуры татарского народа, директор Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского государственного университета.